

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МОДЕРНИЗМ:

противоречивый поиск путей конструктивного диалога

(втор. полов. XIX – нач. XX вв.)

Российская государственная политика в отношении мусульманских народов вплоть до начала XX в. была связана, прежде всего, с проблемами прямого управления колониями и задачами дальнейшего расширения пределов империи. Рост территорий сопровождался нарастанием этноконфессиональной неоднородности и соответственным опасением верхов «эрозии» основ Российского государства. Тем не менее, «имперская алчность и относительная лёгкость продвижения России... заставляли забыть о соображениях целесообразности такого расширения и возможностях освоения новых территорий».¹ Не случайно, Ильминский Н.И.. видный представитель миссионерского просветительства, во второй половине XIX в. с преувеличенным беспокойством писал о растущем «мусульманском вопросе», грозящем чуть ли немусульманским перерождением России.²

Ориентация на этноконфессиональную ассимиляцию инородцев, которая представлялась едва ли не основным условием интеграции, создала непроходимую стену отчуждения между властью и мусульманским населением. Традиционный уклад мусульман, по выражению просветителя И. Гаспринского, составил «почти непробиваемую силу сопротивления всяким чуждым влияниям...»³ Этнографы вплоть до начала XX в. неизменно констатировали, что мусульмане Поволжья, Сибири, Кавказа и Крыма живут достаточно обособленно, упорно выделяя себя из русского социокультурного пространства. И только модернизация, охватившая мусульманский Восток во второй половине XIX в. создала предпосылки для взаимопонятного диалога между российской государственной властью и мусульманами.

Ростки модернизации мусульман Поволжья раньше других прослеживаются в этнографических исследованиях середины XIX вв.⁴ Фукс К.Ф., Пашино П.И., Гакстгаузен А., Шиле К.Л. и др., признавая российских мусульман частью исламского мира, фиксируют постепенное проникновение в их быт и культуру элементов европейской жизни. Наиболее заметно европеизация, по мнению исследователей, первоначально проявилась в одежде, жилищно-

¹ Орешкова С.Ф. Войны России с Османской империей: причины и некоторые исторические итоги // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М., 2003. – С. 28.

² Ильминский Н.И. Письмо 10 февраля 1884 г. (№ 21) // Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору К.П. Победоносцеву. – Казань, 1895. – С. 61.

³ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Исмаил бей Гаспринский «Россия и Восток». – Казань, 1993. – С.38.

⁴ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. – Казань, 1844; Шино П.А. Волжские татары // Современник. – 1860. - Т. LXXXI–LXXXII.; Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. – М., 1870; Шиле. Казанские татары. Этнографический очерк, Сибирские татары // Природа и люди. – 1979. - № 1 (январь); Шиле. Башкиры. Этнографический очерк. – 1979. – март и др.

бытовом обустройстве, досуге горожан, а также повсеместном распространении русского языка, предпринимательства, типографского дела и т.д. Наряду с этим в исследованиях более позднего периода (второй половины XIX – начала XX вв.) отмечаются существенные изменения духовного уклада. Отечественные востоковеды (Катанов Н.Ф., Ашмарин Н.И., Бартольд В.В.)¹, также как публицисты и ответственные чиновники, обращают внимание на существенные аспекты религиозной реформы, становление светской культуры и зарождение национальной идеологии. По мнению Бартольда В.В., под влиянием европейской экспансии во второй половине XIX в. «произошло тесное сближение между европейской культурой и миром ислама»². В результате, «могущественное модернистское течение охватило ряд мусульманских стран».³

Пытаясь соответствовать вызову времени (контролировать бурно развивающийся процесс модернизации мусульманского общества), государственная власть выступила с рядом культуртрегерских проектов в области просвещения и печати. Однако официальная политика, связанная с аккультурацией, была крайне непоследовательной, поскольку конечным итогом ее виделась христианизация и ассимиляция «инородцев». Эти противоречия наиболее ярко отразила, так называемая, «система Ильминского». Ильминский Н.И., являясь искренним поборником просвещения нерусских народов, вместе с тем неоднократно предостерегал от опрометчивого приобщения татар к достижениям европейской науки, опасаясь роста их национального самосознания.⁴ «Мне представляется невозможным достигнуть, через слияние магометанских начал или принципов и догматов с европейской наукой и цивилизацией, не то чтобы обрусения, а даже какого-либо расположения к русским людям и к русскому государству».⁵ Поэтому он предлагал: «Пусть медресы останутся сами по себе, как терпимые, а русские школы для туземцев пусть идут на русских началах... без вероучения магометанского». Что касается народов Средней Азии, то «по моему понятию, киргизов и сартов вовсе не следовало бы привлекать и допускать в гимназию... Для них гораздо полезнее простое, начальное, но здоровое, русское образование...»⁶ Весьма полезным он находил опыт колониальных французо-арабских школ в Алжире.⁷

¹ Ашмарин Н. Очерк литературной деятельности казанских татар мохаммедан за 1880-1895 гг. – М., 1901; Ашмарин Н.И. Несколько слов о современной литературе казанских татар // Журнал министерства народного просвещения. Ч. ССCLXI. Отд. 3. – 1905. – № 9; Катанов Н.Ф. Поволжские татары в их произведениях и в их жизни. Обзор литературной деятельности татар за XIX век. Отдельный оттиск из изд. «Поволжье»; Катанов Н.Ф. Краткий обзор татарских исторических книг. – Казань, 1912; Бартольд В.В. Ислам. – П., 1918 и др.

² Бартольд В.В. Ислам. – П., 1918. – С. 82; Бартольд В.В. Исламский мир. – П., 1922. – С. 25-26.

³ Бартольд В.В. Ислам... – С. 86, 87;

⁴ «...Фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а ещё хуже аристократ, а ещё хуже человек университетского образования». См.: Ильминский Н.И. Письмо 18 февраля 1885 г. (№ 43) // Ильминский Н.И. Письма... – С.175.

⁵ Ильминский Н.И. Письмо 29 сентября 1877 г. (№ 2) // Извлечения из писем Н.И. Ильминского к Н.П. Остроумову. (Приложение к статье П.В. Знаменского: «Участие Н.И. Ильминского в деле народного образования в Туркестанском крае». Прав. Собес. 1900. Ч.1). – С. 6.

⁶ Ильминский Н.И. Письмо 29 февраля 1884 г. (№ 23) // Ильминский Н.И. Письма... – С. 74.

⁷ Ильминский Н.И. Письмо 29 сентября 1877 г. (№ 2) // Извлечения из писем Н.И. Ильминского к Н.П. Остроумову... – С. 6.

Делая уступку в плане преподавания на родном языке, Ильминский совершенно определенно высказался за неразрывную связь образования и христианизации. По его инициативе были созданы Казанская центральная крещенно-татарская школа (1863), Казанская инородческая учительская семинария (1872), которую Ильминский рассматривал в качестве видного и существенного звена «в системе миссионерских учреждений Казанского края и всего Востока Европейской России».¹ В 1870 г. «система Ильминского» была официально признана правительственными «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» и рекомендована к внедрению в широкую практику.

В 70-е гг. XIX в. начали создаваться трех годичные русско-татарские училища, в которых основными предметами были русский язык и арифметика, а также давались начальные сведения по истории, географии и природоведению. Однако, несмотря на наличие курса мусульманского вероисповедания, обучение велось главным образом на русском языке и преподавание татарского языка официально не предусматривалось. В 1876 г. была открыта четырёхлетняя Казанская татарская учительская школа, одно из первых специальных педагогических учебных заведений для нерусских народов России. Здесь подготавливали учителей из татар для «инородческих» начальных школ Поволжья, Приуралья и Средней Азии. Многие представители татарской интеллигенции получили образование в Казанской учительской школе.² Однако и она не избежала русификаторской ориентации.³

Намного хуже ситуация с государственным образованием инородцев была в Сибири. И хотя с 1853 г. был поставлен вопрос об инородческих школах, формирование их шло крайне медленно. Наибольшую проблему представляло преподавание образовательных предметов на родном языке, что вызывало откровенное неприятие официальных школьных властей. «Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума», - с горечью писал Ядринцев Н.М., - «на Кавказе в гимназиях инородцы составляют 27 % всего числа учеников; в одесской гимназии их было 22 %; в казанском округе – 2 %; в Сибири они не составляют - и одного процента».⁴

В Казахстане и Средней Азии постановка чисто русского образования среди инородцев с самого начала была обречена на неудачу. В 1876-79 гг. была сделана попытка создания интернатов с обучением русского языка для казахских детей. В них обучалось всего 204 учащихся.⁵ Как

¹ Ильминский Н.И. Письмо 29 февраля 1884 г. (№ 23) // Ильминский Н.И. Письма... – С. 50.

² В КТУШ учились И.Б. Ашказарский, Г.Г. Исхаки, Ф.Ф. Туктаров, Х.М. Ямашев, Г.Х. Камай, Г.Ю. Кулахметов, С.Н. Максудов, Ш.З. Мухамедьяров, Н.И. Мухитдинов, М.А. Фазлуллин, Г.З. Сайфутдинов, М.Х. Султан-Галиев и др.

³ Отнюдь не случайно Ш. Марджани, входивший в педагогический совет школы и в течение девяти лет преподававший там вероучение, был вынужден покинуть КТУШ. Это произошло «в результате разногласий с инспектором и некоторыми учителями (в школу стали принимать учеников русско-татарских училищ, не связанных с татарской культурой)». См.: Ислам на европейском Востоке. – Казань, 2004. - С.188.

⁴ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1882. – С. 120, 117, 385;

⁵ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб, 1891. - С. 226.

отметил Мурописев М.А.⁶ (1882): «туземные мальчики большею частью выходят из наших школ, не доканчивая учебного курса, с крайне плохим знанием русской речи, русской грамматики и русского народа». Очевидно, что «русификационная политика» оставалась главным принципом образования, который должен «по примеру казанской школьной системы держаться православной пропаганды», игнорируя религиозные убеждения туземцев.²

Впоследствии в Туркестане была сделана попытка использовать опыт «англо-восточных» школ в Индии. В создаваемых русско-туземных школах (начиная с 1884 г.) дети коренных народов обучались с русскими детьми на русском языке. Учебные программы этих школ сохраняли для «туземцев» изучение Корана, основных догматов ислама, арабского языка и т.д. В русле апробированной политики в Туркестане, как и в английской Индии, в 70-е гг. стали возникать также научные кружки и общества. В Ташкенте были открыты публичные библиотеки, музей, обсерватория, появились книжные магазины, была создана «комиссия народных чтений» и т.д. В Туркестан начали приезжать русские актеры, писатели, художники, архитекторы. Однако, как отмечал Бартольд В.В., «...успехи русской школы и вообще русской культуры затруднялись опасением, как бы не сообщить туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей, в ущерб обрусению».³ В 1901 г. в 45 русско-туземных школах училось 1490 детей коренных жителей, что составляло примерно 0,05% от общего количества туземного населения.⁴ Однако полный курс за 25 лет прошли только 313 учеников.⁵

В отношении мусульманских конфессиональных школ российское правительство встало «с самого начала (70-х гг. – А.Г.) на путь принудительного, насильственного обучения русскому языку».⁶ Как иронично отреагировал К. Насыри: «Высшие власти постановили ввести преподавание русского языка в медресе. Но ведь они понятия не имеют о том, как выглядят эти самые медресе»; «умному человеку ясно, что в (традиционном – А.Г.) медресе преподавать язык невозможно».⁷ Ряд постановлений министерства народного просвещения обязывали мектебы и медресе за свой счет ввести преподавание русского языка, организовать русские классы, а также

¹ Мурописев М.А. – выпускник Казанской духовной академии, преподаватель истории и географии в Туркестанской учительской семинарии.

² См.: Отчёт о состоянии Туркестанской учительской семинарии за 1881 г. Цит. по: Искандер-Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточное Обозрение. – 1883. - № 38. – 22 сентября.

³ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. – Л., 1927. - С. 173,134. См. также: Граменицкий С. 25-летие учебного дела в Туркестанском крае. – Ташкент, 1901, - С. 12-13, 20.

⁴ Для сравнения отметим, что только в Бухаре функционировало около 200 медресе, (высших, средних и низших учебных заведений).

⁵ Граменицкий С. 25-летие учебного дела в Туркестанском крае... - С. 3, 7.

⁶ Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. – Казань, 1941. – С. 225.

⁷ Насыри К. Открытие в Казани первой русско-татарской школы для детей мусульман // Насыри К. Избранные произведения. – Казань, 1977 - С. 78.

требовали непереносимое знание русского языка мударисами и преподающими духовными лицами. Сделанные попытки, по отзыву Граменицкого С.: «до сего времени не имели успеха...»¹

В мусульманской среде интеллектуалов модернистского толка также вызревали проекты реформы конфессионального медресе. Первый проект реформирования мусульманской школы, (основанной «на шариате и здравом смысле»), приближающий её к стандартам европейского образования, был разработан Х. Фаизхановым. Его проект, детально изложенный и обоснованный в «Ислах мадарис» (Реформа медресе, 1862), «Рисаля» (Послание) и др. стал ориентиром для всех последующих реформаторов школьного дела. Он был направлен не только на использование прогрессивных методов дидактики и обучение современным научным знаниям (естествознанию, географии, истории), а также русскому языку, но позволял интегрировать мусульманскую школу в общероссийскую систему образования. Однако Х. Фаизханову не удалось получить поддержку: ни со стороны официальных властей, ни благосклонного отношения казанских улемов, «под исключительным влиянием которых находилась народная масса».²

Наиболее сложными для восприятия мусульман оказались вопросы о преподавании русского языка в мусульманских школах и о возможности обучения у иноверцев в принципе. Просветители понимали, что изучение русского языка наиболее простой и естественный в данной ситуации способ приобщения к научным знаниям. «Незнание русской речи, - подчёркивал И. Гаспринский, - изолирует его (мусульманина – А.Г.) от русской мысли и литературы, не говоря уже о полнейшей изолированности в отношении общечеловеческой культуры».³ Х. Фаизханов отмечал: «Мы мусульмане-татары, будучи народом, живущим под властью русского государства, просто вынуждены знать русский язык».⁴ В письме к Ш. Марджани добавляет: «В противном случае государство не окажет помощи; вообще при отсутствии русского языка и разрешение не будет дано на открытие подобного медресе...»⁵

Осознавая недостаточность аргументации Х. Фаизханова, Марджани в «Вафият ал-аслаф...» не просто повторяет доводы своего ученика, но заостряет политическую составляющую проблемы, обозначая грань уступок и компромиссов. «Наша страна связана с русским государством, постоянно возникает потребность в русском языке и для того, чтобы избежать неприятностей от действующих законов, которые все составлены на этом языке, его нужно знать. Ведь даже пословица гласит: «Тот, кто изучил язык другого народа, обезопасил себя от его коварства. ...Известно, что государство намерено открыть школы подобного образца. Если это произойдёт, мы ничего не сможем сделать. Их управление будет вестись таким образом, что не

¹ Граменицкий С. 25-летие учебного дела в Туркестанском крае... – С. 23.

² Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы татар. – М.-П., 1923. - С. 77.

³ Гаспринский И. Русское мусульманство... - С. 21.

⁴ Фаизханов Х. Послание (Рисаля) // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. - Нижний Новгород, 2008. – С. 46-47.

⁵ Цит. по: Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. - Казань, 1980. - С. 133.

принесёт пользы мусульманам, не будет способствовать возрождению их наук, сохранению их чести и возвращению былого расцвета».¹ Опасения Марджани были отнюдь не напрасны. Некомпетентность и административный нажим во многом предопределили неудачу попытки К. Насыри открыть под государственным началом светскую школу (1871-1876) «для детей мусульман... с русским языком обучения». Свой уход из школы талантливый педагог объяснил в статье «Открытие в Казани первой русско-татарской школы для детей мусульман» (1876): «За короткое время, вдруг, Германию сюда не пересадить. ...Всё новое, непривычное вначале кажется народу чуждым. Нельзя добиться успеха, если не насаждать это новое осторожно, тактично».²

В 1884 г. И. Гаспринскому всё же удалось открыть первое светское медресе в Бахчисарае. Медресе под его руководством вскоре стало образцовой школой новометодного направления. Вслед за Бахчисараем на «новый метод» перешли такие крупные медресе как «Мухаммадия», «Касимия» (Казань), «Усмания», «Галия» (Уфа), «Хусания» (Оренбург), «Буби» (с. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губ.), «Расулия» (Троицк) и др. «Новый метод, зародившийся в Крыму и Поволжье среди татарской интеллигенции, быстро распространился в Туркестане...»³ Причём учителями в среднеазиатских школах, как докладывал чиновник МВД (1910), «в громадном большинстве, если не исключительно, являются казанские татары».⁴ «Засилье» татарского культурного элемента в этом регионе вызывало растущее опасение местной колониальной администрации.⁵ Очевидно, что «татары были конкурентами русских в деле ознакомления мусульман с европейскими приёмами учения, вообще внесения в их среду европейской культуры».⁶ В итоге были приняты жёсткие меры, ограничивающие культуртрегерское влияние татарских просветителей, (запрещающие нехристианам покупать в Туркестане земельную собственность, преподавать детям иной национальности и т.д.).

Важным каналом аккультурации стала государственная издательская политика. Ещё в 1875 г. в С.-Петербурге, в духе политики веротерпимости, была образована «Азиатская типография». Первыми изданиями были «Свод законов Российской империи» на татарском языке, Коран и др. Впоследствии типография была переведена в Казань. Печатная продукция широко распространялась по всем мусульманским регионам и доходила до самых отдалённых аулов. Издательская лихорадка в конце XIX в., по мнению Катанова Н.Ф., охватила весь тюрко-исламский мир.⁷ «С 3-й четверти XIX века татары стали печатать так много своих изданий, что сил

¹ Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам). – Казань, 1999 – С. 90, 91, 93.

² Насыри К. Открытие в Казани первой русско-татарской школы... - С. 77, 79.

³ Вахабов М.Г. Формирование узбекской социалистической нации. - Ташкент, 1961. - С. 206.

⁴ Цит. по: Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. (Очерк истории 1895-1917 гг.) – Казань, 1964. - С. 38.

⁵ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана... - С. 136-138.

⁶ Там же. – С.136.

⁷ Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племён // Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. – Анкара, 2000. - С. 401-402.

университетской типографии оказалось мало, и явилась настоящая потребность в открытии других типографий с мусульманским, т.е. арабским шрифтом».¹ А.-З. Валиди в своих «Воспоминаниях» пишет, что в магазине Троицка он за раз купил: «произведение Газали..., публикации по исламской философии и социологии, изданные в Египте и Стамбуле, книги по физике и астрономии, книжку Л. Толстого «Крейцера соната», арабские переводы русских романов, турецко-французский разговорник»² и т.д.

Несмотря на явный успех книгоиздательской деятельности, отношение правительства к периодической печати на языках мусульманских народов было скорее негативным. В казанском крае верховной властью был одобрен в лишь первый проект Запольского И.И. (1809, в итоге так и не реализованный). Однако последующие 20 прошений (вплоть до 1905 г.) об организации периодических изданий на татарском языке были отклонены.³ При этом за казенный счет в XIX в. издавались газеты в колониях (на персидском, узбекском, казахском языках). Например, с 1879 г. начала выходить «Туркестанская туземная газета» (приложение на тюркском языке к газете «Туркестанские Ведомости», Ташкент), которая в 1883 г. становится независимым еженедельным изданием (1883-1917 – ред. Остроумов Н.П.). С 1888 г. начинает издаваться казахское приложение к «Акмолинским Областным Ведомостям» - «Газета Степного края» (Омск, 1888-1902). В Тифлисе властями издавалась газета «Зия-и Кавказ» (Луч Кавказа). Официальное разрешение получили также азербайджанская газета «Игенче» («Земледелец», Баку, 1875-1877 - ред. Х. Малик Зердаби). В 1903 г. «Закаспийским обозрением» (Ашхабад) была сделана попытка издавать газету на персидском языке. В 1883 г. Гаспринскому удалось добиться разрешения на издание газеты «Гарджеман» («Переводчик»), ставшей (1883-1918) общероссийским рупором джадидизма, трибуной пропаганды идей просвещения, либерализма и национального освобождения.

В 80-90 гг. наметился качественный перелом в умонастроении отечественных мусульман. Многие, некогда «шокирующие» новации, по поводу которых «ломались копья» в 60-70 гг., воспринимались уже как почти само собой разумеющиеся явления.⁴ Модернизм вырвался из узкой среды мусульманских улемов, рукописных книг и устных дискуссий (меджлисов) – за грань чисто теологических проблем, приобретая с каждым годом всё более широкое общественное звучание. Инициатива постепенно перешла в руки европейски ориентированных публицистов (И. Гаспринского, А. Девлет-Кильдеева, Мурзы Алима, А. Баязитова и др.), которые на страницах массовой печати развернули широкое обсуждение проблем возрождения исламского мира. Их

¹ Катанов Н.Ф. Поволжские татары в их произведениях и в жизни... - С. 2, 3. Только Коран с 1892 по 1899 гг. три типографии (Чирковой, Университетская и Добровского) издали 276000 экз. См.: там же. – С. 4.

² Валиди Тоған З. Воспоминания: Книга I. – Уфа, 1994. - С. 49.

³ Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. – Казань, 1971. – С.188-202.

⁴ Примирительное отношение к государственным инициативам в области образования прослеживается в трудах И. Гаспринского, Г. Фаизханова, Р. Фахретдина и др. См.: Гаспринский И. Русское мусульманство... - С. 47; Фаизханов Г.Ф. Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей). – Н. Новгород, 2006. – С. 15, 25; Фахраддин Р. Хусаин Фаизханов (отрывок из библиографического труда «Асар») // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие... - С. 120 и др.

произведения, написанные на русском языке, вывели дискуссию из замкнутого круга мусульманской среды, стали понятной основой для диалога с государственной властью. Ставя первостепенной задачей защитить ислам и исламскую культуру от нападков и сложившихся стереотипов, они, вместе с тем, обратились к мусульманам с призывом преодолеть собственные предрассудки.

Отправной точкой мусульманского модернизма в России можно считать появление брошюры И. Гаспринского «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина» (Бахчисарай, 1881), ставшей своеобразным манифестом российско-мусульманского модернизма. Гаспринский был, вероятно, первым мусульманским деятелем общероссийского масштаба, который получив светское образование, непосредственно соприкоснулся с западноевропейской культурой.¹ Вместе с тем, ещё в первой половине 70-х гг. ему удалось посетить наиболее видные центры мусульманского модернизма (Стамбул, Сирию, Египет, Тунис). В «Русском мусульманстве» был не только выражен европейски ориентированный взгляд «русского мусульманина», но и была выдвинута широкая программа общественно-политических реформ. В своих предложениях Гаспринский вышел далеко за рамки школьной реформы. Не ограничиваясь предложениями ввести в учебную программу преподавание общенаучных дисциплин на татарском языке, он также выдвинул задачи развития печатного дела, организации периодического издания на татарском языке, присутствия в судах переводчиков и т.д.

Мусульманские модернисты, обращаясь к русскоязычной публике, стремились представить «русских мусульман» органичной частью российского общества, верноподданными престола, которые даже в своём духовно-религиозном основании непротиворечивы с официальными духовными ценностями. Через все труды активно проводится мысль об отсутствии антагонизма (и даже наличия близости) между исламом и христианством. Девлет-Кильдеев иудаизм, христианство и ислам называет тремя родными дочерьми ветхозаветных истин, признавая, что мусульманская религия – «есть родная, хотя и младшая сестра этих двух религий и основана на ветхозаветном и новозаветном учении».² «Исламизм основан на учении Библии и Евангелии...», - утверждает он.³ Мурза Алим, объясняя странное, на первый взгляд, название своего цикла статей «Ислам и магометанство», в принципе рассматривает ислам как общее название авраамических религий. По его мнению, Мухаммед вовсе не создал ислам, вера Авраамова была до него (в виде иудаизма и христианства); «он не пришёл уничтожить истины библии и евангелия, но пришёл для того, чтобы подкрепить их и дать им большее развитие».⁴ «Мухаммед такой же посланник или апостол Божий, как Моисей, Иисус и другие пророки», - добавляет Мусульманин.⁵

¹ И. Гаспринский обучался в гимназии (Симферополь), кадетском корпусе (Воронеж), Сорбонне (Париж).

² Девлет-Кильдеев. – Магомет как пророк. - СПб., 1881. - С. 4, 7.

³ Там же. – С. 21.

⁴ Мурза Алим. Ислам и магометанство // С.-Петербургские Ведомости. – 1882. - № 196. – 22 июля.

⁵ Мусульманин. Мусульманство и рационализм // Восточное Обозрение. – 1883. - № 24. – 16 июня.

Исходя из единства (по «духу и смыслу») и непротиворечивости авраамических религий, всеобщности духовно-культурных ценностей, мусульманские модернисты призвали правоверных преодолеть культурную отчуждённость от немусульманских народов. Не религиозные ценности, а «только различные человеческие понятия, суждения и мнения разделяют людей друг от друга».¹ А. Баязитов, выступивший во второй половине XIX в. едва ли не самым последовательным реформатором-модернистом, писал: «Итак, мы видим по учению Ислама, что для правильной жизни земной и небесного блаженства нет различия ни в нации, ни в религии».²

Говоря о единении народов, Искяндер-Мурза осторожно возвращает наметившийся дискурс к политическим аспектам проблемы. Единение мусульман с русскими станет возможным «только тогда, когда, во-первых, установятся взаимное уважение между религиозными формами – между исламом и православием; во-вторых, когда русские мусульмане поймут, что их религиозное учение отнюдь не противится прогрессу и не препятствует умственному развитию во всех областях человеческого знания; в-третьих, когда предлагаемое мусульманам со стороны русских педагогов, просвещение будет действительно таковым для них в нравственном и умственном отношении и принесёт им помощь; наконец, в-четвёртых, что самое главное, ... что за русской речью не следует по пятам религиозная пропаганда».³ В подтверждение своих слов Искяндер-Мурза приводит в пример политику англичан в Индии.⁴

Сверхосторожная манера не помешала И. Гаспринскому выразить свое отношение к российской колониальной политике. «Русское господство над татарами до сих пор, насколько мне известно, выразилось только в следующем: я владею, вы платите и живете как хотите... каков же результат? Общественная и умственная изолированность мусульман, глубочайшее невежество, мертвая неподвижность во всех сферах их деятельности, постепенное обеднение населения и края и, по окраинам, гибельная эмиграция!»⁵ Резюме однозначно: «...русское господство не ведет мусульман к прогрессу и цивилизации».⁶ Выражая «наивную веру» в отеческую заботу российского самодержавия о нуждах подданных-мусульман, автор риторически вопрошает: «Нам не известно, какой руководящий принцип лежит в основе отношения русской власти, русской политики к русским мусульманам».⁷ Тут же сам отвечает: «Система ассимиляционной политики, с какой бы выдержкой и тактом она не проводилась, носит в себе характер принуждения, ог-

¹ Девлет-Кильдеев. – Магомет как пророк... - С. 4.

² Баязитов А. Ислам и прогресс. - СПб., 1898. – С. 52.

³ Искяндер-Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточное Обозрение. – 1883. - № 38. – 22 сентября.

⁴ В правительственных школах «программа чисто научная и техническая, без всякого преподавания Закона Божьего. Эти школы (в отличие от миссионерских – А.Г.) имеют большой успех, и туземцы посещают их с большим удовольствием, жертвуя нередко деньги для устройства их». Вместе с этим ширятся мусульманские медресе, «в которых преподают магометанское богословие и светские науки на разных языках». «Английское правительство поддерживает эти школы своими денежными средствами, хотя они и учреждаются по инициативе и на деньги местных мусульман». См.: там же.

⁵ Гаспринский И. Русское мусульманство... - С. 19, 20.

⁶ Там же. – С.22;

⁷ там же. – С.27.

раничения прав данной народности и поэтому одному уже имеет за собой очень мало симпатий ...Мы не находим необходимых оправданий для политики поглощения одной народности другою, политики русификационной в нашем отечестве, если слово «русификация» понимать именно в смысле поглощения русскими других народностей империи».¹ Политике ассимиляции он противопоставляет систему, имеющую «за собой правду и справедливость... На основе всестороннего равенства племенной самобытности мирно и счастливо живут в государстве Соединенных Штатов немцы, французы и англичане, в Швейцарии - немцы, французы и итальянцы».² В итоге он выразил надежду на «возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы и образования».³

Ещё в большей степени эти надежды были выражены И. Гаспринским в работе «Русско-восточное соглашение. Мысли заметки и пожелания Исмаила Гаспринского» (1896). Обращая внимание на особое положение России, «между монгольским миром и Европой», на антагонизм её политических интересов и западноевропейских держав в восточном регионе, автор высказался достаточно категорично: «Европа (прежде всего Англия) общий враг Турции и России».⁴ По мнению Гаспринского Россия должна стать лидером Восточного мира, сблизиться с Турцией, Ираном и другими мусульманскими странами. Русско-восточное соглашение позволило бы остановить столь губительную для мусульманского Востока экспансию Европы.

Официальная реакция на мусульманский модернизм колебалась в рамках широкого спектра: между желанием быть понятым в своих лучших «благотворных намерениях» и страхом растущего национального самосознания «инородцев». Безусловно, мусульманским модернистам удалось создать благоприятное впечатление, получить положительный отклик в либерально-демократической среде. Пространные статьи на страницах центральных и местных изданий (С.-Петербургские Ведомости, Восточное Обозрение, Волжский Вестник и др.), позитивные отзывы, рецензии, реклама мусульманской периодики об этом свидетельствуют. Однако правительственные круги в большей степени прислушивались к экспертам, которые подобно Ильминскому Н.И., Остроумову Н.П. и др. утверждали, что «выставочный образец» мусульманского модернизма не соответствует реальному содержанию.

В знаменитой переписке с Победоносцевым К.П. Ильминский Н.И. предупреждал: Гаспринский хочет «провести к татарам европейское образование, но только отнюдь не через Россию... татарская интеллигенция, замазывая русские глаза мнимым рационализмом, или

¹ Там же. – С.31;

² там же.- С.33;

³ там же. – С.46.

⁴ Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли заметки и пожелания Исмаила Гаспринского // Исмаил бей Гаспринский «Россия и Восток».- Казань, 1993. – С. 67.

либерализмом, усиливается создать мусульманско-культурный центр в России».⁵ «Гарджеман» «последовательно и настойчиво проводит мысль, неблагоприятную для православного русского государства и общества».² Отнюдь не случайно, некоторые оценки Ильминский просил сохранить в тайне, поскольку «...наши супостаты нас подслушивают и перечитывают и наши замыслы заблаговременно разрушают».³ Остроумов Н.П., вступивший на страницах периодической печати в открытую полемику с мусульманскими модернистами, в обширной статье «Что такое коран?» («Туркестанские Ведомости», 1883, №№ 1-10) и ряде других публикаций пытался «образумить русское общество» (в его «потакании» мусульманской культуре), предвещая грядущий «мусульманский вопрос».⁴

В итоге, в начале XX в. возобладала традиционно жёсткая линия государственной политики по, так называемому, «мусульманскому вопросу». Общая ситуация социально-политических, этноконфессиональных проблем в Российской империи стремительно сползала в водоворот революционной конфронтации. Исторический шанс «русско-восточного соглашения», предложенный мусульманскими модернистами, был упущен.

¹ Ильминский Н.И. Письма...- С.63-64.

² Там же. - С. 321;

³ там же. - С. 41.

⁴ См.: Остроумов Н.П. Что такое? По поводу статей Г.г. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы Алима. – Ташкент, 1883.